

ПОНЯТИЯ «ВЛАСТЬ» И «УПРАВЛЕНИЕ» В РАЗЛИЧНЫХ ВРЕМЕННЫХ КОНТЕКСТАХ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Маргарита Силантьева*

В статье рассматривается проблема соотношения понятий «власть» и «управление» в контексте историко-культурологического и философско-культурологического исследования. В качестве отправной точки избрана определяющая для европейского мировоззрения периода Нового времени идея разделения властей (в данном случае, на законодательную и исполнительную), воплощенная в художественных образах выдающегося испанского живописца Диего Веласкеса. Исследуются различия его трактовок власти и управления на анализе портретов Филиппа IV Испанского и графа-герцога Оливареса.

Понятия «власть» и «управление», как известно, не совпадают. Определенный интерес, однако, представляют различные трактовки их несовпадения, «привязанные» к определенным историко-культурным форматам и раскрывающие, таким образом, не только устоявшиеся инварианты их прочтения, но, что не менее ценно, дифференциацию подходов в зависимости от времени и места. Подобная дифференциация имеет смысл и сама по себе, как своего рода архивирование основных социокультурных доминант. С другой стороны, различие трактовок позволяет, буквально следуя методу феноменологической редукции, сфокусировать внимание не только на собственно «мыслимом», но сосредоточиться на изучении «способов данности» мыслимого. Материал, связанный с межкультурной коммуникацией в те или иные исторические эпохи, позволяет взглянуть на вопрос о власти и управлении именно с этой точки зрения. Таким образом, изучая «музейные» реконструкции социокультурной среды, появляется возможность уточнить ее специфику применительно к сегодняшнему дню.

Актуальность историко-культурологического подхода к теории управления обусловлена еще и тем, что периодически «история повторяется». Современность,

обозначившая саму себя как эпоха «пост», отличается в этом смысле удивительной всеядностью, возрождая культурные формы ушедших эпох не только в «игровом», но и во вполне серьезно применяемом виде [4. С. 190-222]. При этом подход философии культуры, равно как и историко-культурологические наработки, позволяет взглянуть на проблему шире, чем этого требуют практические и даже утилитарные задачи сегодняшнего дня. Что, по всей видимости, не бесполезно для теории управления, - прежде всего потому, что позволяет открыть ряд причинно-следственных связей и расширить то поле, в котором производится поиск закономерностей общественного развития, о котором ведет речь и теория государственного управления, и другие гуманитарные науки, касающиеся темы власти [7. С. 168-171].

Итак, власть и управление. Само обращение к изучению соотношения этих понятий предполагает в качестве одной из наиболее очевидных трактовок проведение границы между властью законодательной и властью исполнительной, представляющее одну из наиболее обсуждаемых тем в культуре Нового времени. Если говорить о языке, выражающем нюансы градации в понимании смысла, предложенного этими сло-

* Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО МИД России.

вами, то, помимо сугубо логических параметров (несомненно, важных для освоения данных научных терминов [1. С. 216-219]), наиболее репрезентативным и интересным можно считать язык изобразительного искусства. Если же говорить о наиболее проработанной постановке данного вопроса художественными средствами, то нельзя не обратить внимание на тему власти и управления в творчестве великого испанского художника Диего Веласкеса (1599-1660). Его придворные портреты, изображавшие владык и вельмож испанского двора времен Филиппа IV, не имеют недостатка ни в почитателях, ни в комментаторах (в том числе, и философских [5. С. 271-284]). Особого внимания удостоились хрестоматийные конные изображения графа Оливареса и самого Филиппа: «Конный портрет Филиппа IV» (1634-1635, по другим данным – 1634; Прадо, Мадрид) и «Конный портрет Гаспара де Гусмана, графа Оливареса» (1632-1633, по другим данным 1634-1638). Сравнить эти портреты принято в искусствоведческой литературе по классическому шаблону, описывающему дальновидность Веласкеса, который разглядел в Филиппе «блеклого» отреченного от радости жизни правителя, а в Оливаресе – беспокойного организатора, чьи усилия при попустительстве монарха привели страну к плачевному состоянию как экономическому, так и политическому.

Хотелось бы, однако, несколько изменить ракурс философского дискурса, несомненно присущего испанскому мастеру и воплощенного в его полотнах. Напомним основное содержание картин, учитывая не столько сюжет, сколько их общее настроенное, динамику движения, выраженную в композиции картин и отчетливо противопоставляющую одну – другой. Итак, Оливарес, чей портрет написан раньше, восседает на коне, возносясь над битвой, происходящей на большом расстоянии от него в низине. В его руке зажат свиток, а лицо обращено на зрителя (и, соответственно, он отвернулся от происходящего). Вдали виднеются овраги, полыхает пламя сражения, дым от которого движется навстречу всаднику. Земля взорвана преобразованиями, насилие родственно преобразованиям, – так воспринимает картину неискушенный в истории зритель, для которого новостью является тот факт, что Оливарес «руководил сражениями из окна кабинета» и при этом склонен был приписывать себе чужие победы (которых было очень немного – помнится только осада Бреды, завершившаяся для испанцев победой, –

ср. картину Веласкеса «Сдача Бреды», 1634-1635), реально не участвуя ни в одной битве. Управление, таким образом, рискованное предприятие: переворачивая все вверх дном, модернизатор рискует оставить после себя пустыню, – если ветер и удача будут не на его стороне. Энергичное изображение показывает и самого премьер-министра в движении, причем достаточно неудобном – он как бы «извернулся», описывая своим телом круг, проецируемый на все «поле деятельности», поле культуры. Вечная природа осталась ему не подвластна: мощное раскидистое дерево, под которым стоит всадник, уходит своей кроной в небо, как бы уравновешивая изображенного политика и давая его движению виртуальную точку опоры. Человек, который включается в управление так заинтересованно, – сильный игрок, готовый встретиться с подводными камнями, открытый к перипетиям судьбы. Правда, небо на картине оказывается частично закрыто не только облаками, но и черным дымом дальнего сражения. Судьба скрыта, и к тому же – темна. Хотя понятно, что неустойчивость положения, при всем яростном желании ее скрыть, ясна самому Оливаресу.

Другой портрет, изображающий уже не «управление», а «власть», предлагает трактовку последней в образе монарха. Портретируемый предельно статичен: его рука с жезлом опущена, корпус неподвижен. И хотя перевязь всадника и перья на его шляпе развеваются не только от ветра, но и от резкого движения коня, поднявшего передние ноги, король остается спокоен и невозмутим. Поле, раскинувшееся в низине, ровно; его поверхность говорит о недавней работе; деревья, посаженные чьей-то заботливой рукой, прямо вводят концепт «культуры» как обработанного, культивируемого пространства и растений на нем. Дерево за спиной Филиппа IV тоже примечательно. Оно лишь немного выше всадника на коне (тогда как «дерево Оливареса» уходит кроной в бесконечность).

Король предстает на этом портрете не как человек. Здесь представлен образ, лишенный энергетики и движения *сознательно*, поскольку он – *символ власти*, чье действие – в бездействии. Явился ли этот образ следствием осмысленного выбора самого короля, как известно передавшего свои управленческие полномочия Оливаресу, сделав его «valido» – официальным фаворитом, выполняющим управленческие функции (вплоть до его «падения», начавшегося еще в 1630-ые гг. и окончившегося в 1645 г. изгнанием)? В этом

случае понятно, что по каким-то причинам король оставил себе исключительно символически-представительские функции, и в основании такого поступка могла лежать не только «лень к делам государственным», но и трезвый расчет, желание положиться на компетентного управленца. Или же король оказался игрушкой своих особенностей и «жертвой» придворных интриг, склонивших его самоустраниться от «реальной власти» (то есть управления) и выбрать «не того» управленца-практика? А Веласкес лишь обращает внимание современников и потомков на этот сомнительный выбор?

Точный ответ на этот вопрос мы никогда не узнаем. Однако не вызывает сомнения, что Оливарес, оказавший протекцию Веласкесу, вряд ли мог быть рассмотрен художником с такой плоской однозначностью оценки. Косвенно об этом можно судить, исходя из современной экспозиции в музее Прадо, где представлены обе картины. Благодаря современной развеске они воспринимаются как *парные*, причем бросается в глаза их *дополнительность*: король и Оливарес, а также морды их коней *развернуты друг к другу*. Не здесь ли кроется более глубокое, нежели психологическое портретирование знатных особ, сообщение Веласкеса? Управление без символа власти становится опасной суетой; тогда как власть без управления беспомощно парит над окружающим стройным покоем.

Приходит на ум идея «симфонии властей», сформулированная еще при Константине Великом, но спроецированная в данном случае на светскую власть, а не на соотношение власти государственной и власти церковной и выраженная также в ярких художественных образах религиозной и светской живописи, изучение которых способствует пониманию процессов в пространстве культуры [2. С. 5-15]. Напомним: в 1633 г., столь важном для судеб данных полотен Веласкеса, на Руси скончался патриарх Филарет, реализовавший с 1619 г. русский вариант «симфонии» вместе со своим сыном, избранным на трон в 1613 г. Михаилом Романовым. Вопрос о том, насколько «руление» Филарета превалировало над более «мирскими» заботами Михаила Федоровича, остается открытым. Однако его постановка видится все же уместной, хотя бы в свете последующего разлада двух ветвей власти при Алексее Михайловиче, чье стремление поставить под контроль Церковь во многом объясняет переход к никонианству (и, как следствие, Расколу) с последующей изоляцией самого Никона и суду над ним.

Думается, поставленные вопросы позволяют утверждать, что вопрос о личном характере власти рассмотрен Веласкесом как вторичный [Ср.: 3. С. 224-226]. На первое место им выдвинут вопрос о ее онтологической природе и тех парадоксах, которые следуют из ее принципиальной двойственности. Веласкес не только осуждает неумеренные аппетиты управленца-Оливареса и безынициативность короля-символа (напомним, злейший враг Испании того времени – кардинал Ришелье; а причиной недовольства Оливаресом в Испании были его реформы, направленные на централизацию страны и унификацию законодательства с целью увеличения эффективности государственного управления, – что по сей день является животрепещущей проблемой для этой страны, терзаемой сепаратизмом). Художник ставит вопрос об ограниченном характере любой земной власти, которая, вероятно, может лишь стремиться к упорядочиванию хаоса. Бинарность, позволяющая власти не быть тождественной самой себе, делает ее более устойчивой и жизнеспособной, но все равно – не дает никаких гарантий.

Вывод, который может быть почерпнут из предпринятого рассмотрения темы «власть» и «управление» на примере анализа философской составляющей художественных образов Диего Веласкеса, позволяет уточнить логическое содержание данных понятий, что несомненно, необходимо [6; 1. С. 216-219], и в то же время свидетельствует о разнообразии исторических форм реализации властных программ в их соотношении с управленческими решениями. Такие составляющие властных отношений, как бинаризм и противоречивость, раскрывают специфику онтологических оснований власти, «как они виделись», исходя из особенностей исторического хронотопа. С их помощью описаны следующие бинарные оппозиции:

- покой и движение («управление» онтологически связано с изменением, «власть» статична);
- риск – и гарантированность существования («управление» предстает как деятельность, изменяющая мир и тем самым повышающая степень риска в его существовании, а «власть» – как понимание возможностей и границ происходящего);
- порядок – и хаос («управление» ведет к упорядочиванию через первичную хаотизацию, «власть» удерживает идею порядка);
- насилие и сила («управление» неизбежно увязано с насилием, поскольку на-

рушает статичность и, следовательно, равновесие исходной общественной системы, «власть» выступает, заявляя о себе, как сила, способная противостоять насилию; именно поэтому одной из монарших привилегий всегда являлось право помилования).

Философские корни властных отношений, описанные таким образом, мало чем

отличаются от тех ноэмических, смысловых, данных, которые характеризуют ее в других «системах координат» культуры. При этом «способ данности» смысла, связанный с особенностями исторической эпохи, позволяет острее взглянуть на семантику анализируемых понятий.

Литература:

1. Глаголев В.С. Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса Конвента VII РАМИ // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6(27).
2. Глаголев В.С. Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении. В книге: *Фундаментальные проблемы культурологии в 4 тт.* Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии, Каф. ЮНЕСКО по компаративным исслед. духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога. Отв. ред. Д.Л. Спивак. Санкт-Петербург, 2008.
3. Подберёзкин А.И. Ответственность элиты // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2.
4. Попов В.А. Влияние постмодернизма на социоюридическую интерпретацию феномена современного гражданского общества // *Юридические исследования.* № 1. 2013.
5. Силантьева М.В. Короли, шуты и философы Диего Веласкеса в контексте его религиозной живописи: взгляд из России // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2.
6. Силантьева М.В. Проблемы логики и теории познания в современном гуманитарном знании. М., 2006.
7. Шестопал А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6(27).
8. Енгибарян Р.В. Качественное образование – главное условие динамичного развития общества и его конкурентности // *Право и управление. XXI век.* 2013. № 4.

THE CONCEPT OF «POWER» AND «MANAGEMENT» IN VARIOUS TEMPORAL CONTEXTS: HISTORICAL AND CULTURAL SKETCH

The article deals with the problem of correlation between the concepts of «power» and «control» in the context of the historical and cultural studies and the philosophical and cultural research. The idea of separation of powers (in this case, the legislative and the executive) which moulded the European outlook of the period of the New Age is elected as a starting point. It's embodied in images of outstanding Spanish painter Diego Velazquez.

We study the differences of his interpretations of authority and control based on the analysis of the portraits of Philip IV of Spain and Count-Duke of Olivares.

Margrita Silanteva,
Doctor of Science (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy, MGIMO
(University) under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

теория управления, история и теория культуры, философии культуры, онтологическое измерение художественного образа, власть, управление, способ данности смысла в различных культурных контекстах, Диего Веласкес.

Keywords:

management theory, history and theory of culture, philosophy of culture, ontological dimension of the artistic image, power, control, method of the given meaning in different cultural contexts, Diego Velázquez.

References:

1. Glagolev V.S. Verbal'no-ponjatijnye aspekty metodologicheskogo diskursa Konventa VII RAMI [Verbal and conceptual aspects of the methodological discourse of the VII RAMI Convent] // Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of the MGIMO University]. 2012. № 6 (27).
2. Glagolev V.S. Kul'turologicheskie aspekty hudozhestvenno-jesteticheskoy problematiki v sovremennom religiovedenii. V knige: Fundamental'nye problemy kul'turologii [Cultural aspects of the artistic and aesthetic issues in modern religious studies. Book: Fundamental problems of cultural] v 4 tt. Federal'noe agentstvo po kul'ture i kinematografii, Sankt-Peterburgskoe otd-nie Rossijskogo in-ta kul'turologii, Kaf. JuNESKO po komparativnym issled. duhovnyh tradicij, specifiki ih kul'tur i mezhreligioznogo dialoga. Otv. red. D. L. Spivak. Sankt-Peterburg, 2008.
3. Podberjzkin A.I. Otvetstvennost' jelity [Responsibility of elite] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of the MGIMO University]. 2014. № 2.
4. Popov V.A. Vlijanie postmodernizma na sociojuridicheskiju interpretvaciju fenomena sovremennogo grazhdanskogo obshchestva [The impact of postmodernism on the sociolegal interpretation of the phenomenon of modern civil society] // Juridicheskie issledovanija [Legal Research]. № 1. 2013.
5. Silant'eva M.V. Koroli, shuty i filosofy Diego Velaskesa v kontekste ego religioznoj zhivopisi: vzgljad iz Rossii [Kings, jesters and philosophers of Diego Velazquez in the context of his religious painting: A View from Russia] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of the MGIMO University]. 2014. № 2.
6. Silant'eva M.V. Problemy logiki i teorii poznaniya v sovremennom gumanitarnom znanii [Problems of logic and theory of knowledge in the contemporary humanities]. M., 2006.
7. Shestopal A.V., Silant'eva M.V. «Mjagkaja sila» kul'turnyh moduljatorov sovremennyh modernizacionnyh processov [«Soft power» of the cultural modulators of contemporary modernization processes] // Vestnik MGIMO [Bulletin of the MGIMO University]. 2012. № 6(27).
8. Engibarjan R.V. Kachestvennoe obrazovanie – glavnoe uslovie dinamichnogo razvitiia obshchestva i ego konkurentnosti [Quality Education – The Key Prerequisite for the Dynamic Development of Society and its Competitiveness] // Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and Governance. 21st century]. 2013. № 4.